

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.159-173>

Парсуна «Сююмбике с сыном Утямышем»: реальный образ или вымысел?

Д.Ф. Гатина-Шафикова

Институт истории им. Ш. Марджани

Академии наук Республики Татарстан

Казань, Российская Федерация

golocen@yandex.ru

Резюме. Объектом исследования является парсуна «Сююмбике с сыном Утямышем» как историко-этнографический источник. Актуальность изучения подобного типа изобразительных материалов выражается в возможности выявления трансформации татарского женского костюма. Учитывая накопленный опыт этнографических исследований, сохранившиеся ранние письменные и визуальные материалы, в статье осуществляется сравнительно-исторический анализ парсуны. Указанная работа по некоторым оценкам датируется XVII–XVIII вв. По мнению автора статьи, она написана не ранее начала XIX столетия. Предложенная датировка объясняется отсутствием на изображенной Сююмбике характерных элементов татарского женского костюмного комплекса, присутствовавших в рисованных работах более раннего времени. Образ Сююмбике воспроизводится в девичьем головном уборе, состоящем из конусообразной шапки и покрывала, а находящаяся возле неё женщина – в женском многосоставном головном уборе. Учитывая традиции разной степени покрытия головы в комплексах разновозрастных групп татарок, можно сделать вывод о том, что в парсуне четко просматривается возрастная принадлежность изображенных. Стоящий ребёнок, которого считают Утямышем, с учётом ранних традиций одевания мальчиков в женскую одежду, облачён в девичий комплекс, повторяющий образ матери и замужней женщины. Это не является характерным для традиционной культуры.

В издании 1850-х гг. схожая работа печаталась, однако в названии к ней «Сююмбике» не обозначалась, что даёт право предположить о позднем включении этого образа в уже существующее изображение с воспроизведением одежды молодых татарских девушек и замужних женщин.

Ключевые слова: Сююмбике, татары, конусообразный головной убор, шапка, покрывало, женский костюмный комплекс, халатообразная одежда.

Для цитирования: Гатина-Шафикова Д.Ф. Парсуна «Сююмбике с сыном Утямышем»: реальный образ или вымысел? *Историческая этнология*. 2024. Т. 9. № 2. С. 159–173. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.159-173>

Parsuna “Syuyumbike with her son Utyamysh”: a real image or fiction?

D.F. Gatina-Shafikova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

golocen@yandex.ru

Abstract. The object of the study is the parsuna “Syuyumbike with her son Utyamysh” as a historical and ethnographic source. The relevance of studying this type of visual materials lies in the possibility of identifying the transformation of Tatar women's costume. Taking into account the accumulated experience of ethnographic research and the preserved early written and visual materials, the article provides a comparative historical analysis of parsuna. The given piece, according to some estimates, dates back to the 17th–18th centuries. According to the author of the article, it was written no earlier than the beginning of the 19th century. The proposed dating is explained by the absence of characteristic elements of the Tatar woman's costume complex on the depicted Syuyumbike, which were present in drawn works of the earlier period. The image of Syuyumbike is reproduced in a young lady's head-dress, which consists of a cone-shaped hat and a veil, and the woman next to her is wearing a women's multi-piece head-dress. Taking into account the traditions of varying degrees of head coverage in the complexes of different age groups of Tatar women, we can conclude that the age of the depicted figures is clearly identifiable in the parsuna. The standing child, who is considered Utyamysh, taking into account the early traditions of dressing boys in women's clothing, is dressed in a girlish complex, repeating the image of a mother and a married woman. This is not typical of the traditional culture.

In the 1850s edition, a similar piece was published, but “Syuyumbike” was not indicated in the title, which allows us to assume that that image was later included in an already existing image with reproduction of the clothes of young Tatar girls and married women.

Keywords: Syuyumbike, cone-shaped headdress, hat, blanket, women's costume complex, robe-like clothing.

For citation: Gatina-Shafikova D.F. (2024) Parsuna “Syuyumbike with her son Utyamysh”: a real image or fiction? *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 2: 159–173. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.159-173> (In Russ.)

У каждого народа существуют легендарные личности, живущие в памяти и воспеваемые потомками, нередко забываемые, но и «оживающие», обретающие символическое значение. Для татар одной из таких фигур является Сююмбике – правительница Казанского ханства (1549–1551 гг.), дочь ногайского бия Юсуфа, жена казанского хана Джан-Али. К этой исторической личности не раз обращались не только ученые-историки, ею вдохновлялись писатели и художники. Сююмбике, как и другие статусные женщины XVI столетия, изображалась в живописных произведениях мастеров, работавших в XIX–XXI вв. Художники, в силу отсутствия достоверных сведений, прибегали к принципу реконструкции, художественной интерпретации женских образов и их одежды.

Рассмотрим наиболее известное изображение Сююмбике – парсуну неизвестного автора «Сююмбике с сыном Утямышем». Она хранится в фондах Музейного комплекса города Казани (№ МНК КП ОФ–13563). Сотрудники, исходя из описания, данного в Государственном каталоге музейного фонда Российской Федерации, датируют указанное произведение искусства первой половиной XVII столетия. Искусствовед Р.Г. Шагеева в одноимённом альбоме «Сююмбике» также соотносит эту работу с XVII–XVIII вв. Она отмечает, что парсуна попала в музейную коллекцию из частного собрания академика А.Н. Каралина, предки которого по отцовской и материнской линии (Кавериные и Карауловы) могли быть служилыми татарами (Шагеева, 1997: 15). В иллюстрированном журнале «Нива» от 1882 г. в №6 опубликована копия с этого портрета и указанием на то, что снимок был сделан с картины, представленной в 1877 г. на выставке в Казани во время четвёртого археологического съезда (Нива, 1882: 137). Похожее изображение Сююмбике печаталось и ранее. В 1850-х гг. французский писатель-географ А.Л. Жоанн подготовил объёмный труд «Voyage Illustré dans Les Cinq Parties Du Monde» (Joanne, 1850), в котором собраны 663 гравюры. Среди них размещено изображение под №82 «Ancien costume des femmes tartares de Kasan» (Joanne, 1850: 44), которое, судя по подписи – «Древний костюм татарских женщин Казани» (перевод автора), ещё не имело отношения к Сююмбике, а лишь отображало одежды татарок.

Н. Valentin. Russie. Ancien costume des femmes tartares de Kasan (Joanne, 1850: 381).

Образ Сююмбике активно воспроизводился в XIX – нач. XX столетиях. Исследователь Л.Р. Габдрафикова объясняет это тем, что «...рубеж XIX–XX вв. – время буржуазных преобразований и модернизации традиционной татарской культуры» (Габдрафикова, 2020: 615). Оно простимулировало активное тиражирование распространенных визуальных образов известных личностей татарского народа. Сююмбике изображалась на живописных копиях (№№ НМ РТ КП-5765, КП-1283), знаменитой работе А. Карнаухова 1913 г. (№ НМ РТ КП-16101) и хромоолитографии (№ НМ РТ КП-8571) – произведениях, хранящихся в фондах Национального музея Республики Татарстан (НМ РТ). В собрании Государственного исторического музея (ГИМ) представлено изображение, исполненное гуашью (№ ГИМ 32890), и карандашный набросок (№ ГИМ 42949/1167), где Сююмбике представлена в узнаваемом конусообразном головном уборе, а на голове сына лишь покрывало, подвязанное на макушке сзади.

Можно ли считать парсуну неизвестного автора «Сююмбике с сыном Утямышем» полноценным историко-этнографическим источником для изучения раннего костюма высшего сословия татар? В поиске ответа на этот вопрос мы поставили перед собой следующие задачи:

- определить время бытования изображенного на картине костюмного комплекса;
- выявить степень соответствия воспроизведённой на картине татарской женской одежды традиционному женскому, девичьему костюмному комплексу, его возрастным и социальным особенностям;
- датировать время создания произведения.

К анализу привлекаются визуальные источники более раннего времени и имеющиеся историко-этнографические материалы XIX–XX столетий. Необходимость их применения объясняется отсутствием исторических материалов о костюме высшего сословия татар XVI столетия, сохранившихся до настоящего времени. Ранние и более поздние источники позволяют сопоставить изображение костюмного комплекса в парсуне «Сююмбике с сыном Утямышем» и бытовавшей у татар одежды в разные исторические периоды.

Актуальность научного изучения изобразительных материалов выражается в возможности определения трансформации татарского женского костюмного комплекса. Особенностью исследования является объединение разных наук – истории, этнографии, искусствоведения. Метод сравнительно-исторического анализа используется с целью понимания эволюции костюмного комплекса и его отдельных элементов, отображения традиционной одежды в изобразительных источниках и упоминания в письменных материалах разных периодов. Искусствоведческий подход применяется при интерпретации изобразительной работы как художественно-целостного образа и его авторского понимания.

Общая композиция парсуны «Сююмбике с сыном Утямышем» выстраивается вокруг сидящей в центре женщины, маленького ребёнка (слева от неё), ещё одной женской фигуры в профиль (справа, немного в стороне, чуть наклонённой вперёд) и мужчины (сзади).

Наиболее близкий по времени к жизни, изображенной на парсуне исторической персоне Сююмбике, относится такой исторический источник как «Лицевой летописный свод», написанный во второй половине XVI в. по распоряжению царя Иоанна IV, пожелавшего увидеть изложение всемирной истории от сотворения мира до XV в. и русской истории до 1567 г. Свод богато иллюстрирован миниатюрами разных жанров. В книге 21 «1560–1561 гг. от В.Х.» среди листов рукописного текста, на странице, где описывается исторический момент падения Казанского ханства – «царя Казанского Едигер-Магмета взял, и знамена их взял и царство, и город многолюдный Казанский захватил» (Лицевой летописный свод..., 2014: 450), размещена монохромная работа с воспроизведением массового скопления людей, покидающих город. Большой интерес представляет расположенная в нижнем левом углу фигура женщины в рубахе с характерными для знати длинными рукавами, превосходящими размер её собственных рук. Подобного типа рубахи сохранялись у городских зажиточных татарок вплоть до середины XIX в. Примером служит рубаха, представленная в собрании НМ РТ (№ НМ РТ КП-10197/12). В отличие от сужающихся к запястью в описываемом изображении рукавами она имеет широкие по всей длине рукава. В анализируемом изображении поверх рубахи накинута длинная безрукавная накидка, закрепляющаяся на груди. На голове небольшая, декорированная по всему периметру круглая шапочка на мягкой основе, напоминающая волосник или убор по типу *такыя*. Будем учитывать замысел миниатюры – показ бегства населения. Поэтому художник не мог изобразить покидающую свой дом женщину в экстремальных условиях при полном парадном облачении. Он представил не весь костюмный комплекс, но понимал его основы.

Следующий изобразительный источник является письменным памятником XVII столетия. Немецкий путешественник А. Олеария по материалам, собранным им в 1636 г. во время работы в голштинском посольстве, написал труд «Ausführliche Beschreibung Der kundbaren...» (Olearius, 1663). А. Олеария лично подготовил часть иллюстраций. Они расположены как по тексту издания, так и выделены отдельными листами. В изображении, подписанном «Казань в татарской стороне» (Олеария, 1906: рис. между с. 368–369), показан город и две женские фигуры. Несмотря на общую схематичность воспроизведения костюмного комплекса, примечательным для исследования является конусообразный головной убор на одной из женщин. Он стал показательным для статусных женских уборов и впоследствии не раз реплицируемый в изображениях. Подробное описание бытования конусообразных каркасных шапок среди женского татарского населения дано в статье «Графическая визуализация...» (Гатина-Шафикова, 2022). Изображение А. Олеария даёт возможность предположить, что традиции ношения каркасных уборов представляют собой устойчивый признак, дошедший по бытованию вплоть до середины XIX столетия. Этот факт подтверждает, как ряд изображений, так и исследования разных авторов. К примеру, М. Невзоров писал, что татарки «...надевают шапки высокие пирамидальные, унизанные разными манерами, Голландскими и другими червонцами, чет-

вертаками, двугривенниками, вызолоченными или простыми, смотря по богатству» (Записки..., 2014: 246). Профессор К.Ф. Фукс в издании 1844 г. отмечал: «Лет 30 назад у татарок был головной убор, похожий на сахарную голову, из шелковой материи, покрытой русскими вызолоченными рублевиками, с кораллом и с жемчугом; сверху этот длинный конус оканчивался вызолоченную пуговкою» (Фукс, 1844: 18). Интересные материалы по головным уборам в качестве подтверждения бытования найдены в статье «Костюм казанских мещан...», в которой автор повествует об особенностях костюмного комплекса русского и татарского мещанства. Он основывается на описях имущества усопших: у М. Рахманкуловой, умершей в 1840-м г. хранилось наверху на шапку в виде серебряной шишки под золотом, обложенной по кругу корольками (Бессонова, 2018: 13).

Другой, не менее известной живописной работой, но уже относящейся к началу XVIII в., является «Татарская женщина» Корнелиса де Бруина. На пояском портрете изображена знатная татарская женщина с очень чёткой прорисовкой каждого элемента одежды – фактуры тканей, каркасного головного убора, декорированного составными деталями по всему периметру тканевого покрывала под ним, налобной повязки *баи хаситасе*, шейно-нагрудного трёхчастного ожерелья и общетюркского шейно-височного украшения по типу *сырга*. В изображенном костюмном комплексе присутствуют элементы, которые не совсем типичны для казанско-татарской традиции, а более характерны для одежды крымских и астраханских татар. В числе них декор рубахи или верхней распашной одежды без запаха с горизонтально нашитыми декоративными полосами оборок, застёгивающейся в центральной части на ряд небольших круглых пуговиц, узких рукавов и накладных манжет. В описании отсутствует информация об этнотерриториальной принадлежности изображенной женщины. Художник и основоположник изучения визуальных источников А.А. Мазанов считал, что на картине отображена казанская татарка (Мазанов, 1982: 65–66). Известный этнограф Р.Г. Мухамедова интерпретировала копию с этой гравюры как «Астраханская татарская женщина» (Мухамедова, 1997: 72). Проблема идентификации рассматривалась нами в специальной статье, в которой мы показали, что воспроизведённый костюмный комплекс не является «абстрактно» татарским. Он принадлежал знатной городской казанской татарке XVIII в. и включал элементы костюма более раннего, возможно, «ханского» времени (Гатина-Шафикова, 2014: 123). Позже, частично сохранившись в народной культуре, он постепенно полностью вышел из бытования и народной памяти.

С 1757 по 1762 гг. живописец и гравёр из Франции – Жан-Батист Лепренс, совершил вояж по территории Российской империи. Позже им была издана серия книг «A Collection of the Dresses of Different Nations...» (Jefferys, 1757–1772), посвящённая истории костюма. В третьем томе среди гравюр присутствует цветное изображение, в котором, судя по подписи, воспроизводится образ казанской татарки (№ 22, “Habit of a Tartarian woman in Kazan subject to Russia in 1768” / «Одеяние казанской татарки», 1768).

Нетипичным в изображении, как и для более ранних, так и последующих, стал каркасный головной убор, вернее его наклон. Такая традиция ношения была характерна для европейского костюмного комплекса, в котором подобные уборы именовались *атур*, *геннин*, *эннин*, *эннен*. Они были в ходу у женщин высших сословий в позднем средневековье. Присущий для татар, проживающих в Волго-Уральском регионе, декор монетами воспроизведён в анализируемой работе в виде нашитых круглых блях, как на самой шапке, так и на прикреплённом к ней тканевым наоснике. В связи с тем, что изображённая женщина стоит в полупрофиль, нагрудные украшения на ее головном уборе не видны, кроме небольшой части шейного ожерелья и крестообразных серёжек, напоминающих по форме бляху, воспроизведённую на головной повязке в работе Корнелиса де Бруина. Верхняя одежда показана с длинными широкими рукавами, сужающимися к манжете, и поясом, перекрученным вокруг талии в несколько оборотов.

Модернизация и преобразования Петра I и Екатерины II привнесли существенные изменения в исследования народов Российской империи. Открытая в 1724 г. Академия наук в Санкт-Петербурге и целая плеяда приглашённых ученых, а также экспедиционные выезды в отдалённые уголки страны, привели к новым этнографическим открытиям. Начали свое развитие гуманитарные дисциплины, в том числе история. Это было время, когда закладывался фундамент этнографической науки: накапливались вещественные и письменные памятники (Жабрева, 2006: 270). Народоизучение в XVIII в. становится системным, появляется инструментарий и научная школа.

Одними из наиболее известных и часто тиражируемых впоследствии изображений, относящихся к этому времени, стали две литографии из второго переработанного издания на русском языке немецкого учёного И.Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов...» (Георги, 1799) – «Татарка казанская спереди» и «Татарка казанская сзади». Однако, у ряда исследователей возникли сомнения относительно их авторства. К примеру, А.А. Мазанов считал, что работы впервые были выполнены Г.Ф. Миллером (Мазанов, 1982: 67), и опубликованы в «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов...» (Миллер, 1791) с указанием в тексте, что «на прочих же рисунках под № 6, 7 и 8, изображено с платья Кунгурских и Уфимских Татарок, которых мне случилось видеть в полном их уборе между реками Окою и Кунгуром и между Кунгуром и Рифейскими горами, и с оного я приказал снять рисунки» (Миллер, 1791: 15–16). Е.Е. Нечвалода, придерживается того же мнения, придя к выводу, что изображения в издании И.Г. Георги воспроизведены в «отредактированном» художниками виде и их нельзя использовать в качестве историко-этнографического источника при исследовании традиционного костюма (Нечвалода, 2023: 566).

Проводя сравнительный анализ, мы видим, что воспроизведённые костюмы действительно схожи, кроме использованного цвета (или его отсутствия) и обуви (у одного автора были представлены лапти, у другого – кожаная обувь).

Однако, в отличие от закрытых головных уборов, воспроизведённых у И.Г. Георги, в изображениях под № 7 и 8 (вид спереди/сзади) у Г.Ф. Миллера показан убор с открытым верхом на мягкой основе и нашитыми монетами наподобие *кашпау* у мишарей. Схожий головной убор был зафиксирован во время экспедиции к татарам-мишарям Окско-Сурского междуречья в середине XX в. (Суслова, Мухамедова, 2000: 166–167). В гравюре под №6 практически не наблюдаются отличия от поздней перерисовки, где воспроизведена невысокая конусообразная шапка с вытянутыми металлическими накладками по тулье и круглыми по нижнему краю.

Кроме рисованных изображений по тексту необходимо учитывать подписи к ним, которые делали исследователи. И.Г. Георги, учитывая большую географию расселения татар, в своей работе объединял под общим термином «татары» казанских и оренбургских татар, которых иногда именовал и уфимскими (Георги, 1799: 8). Подписывая изображения, как «татарка казанская», он в тексте одновременно использовал словосочетание «оренбургские татарки», не выделяя разницу, которую подчеркнул Миллер, описывая кунгурских и уфимских татарок. У И.Г. Георги появляется выделение женского головного убора, «у которого бывают обыкновенно великие ушки, а верх чешуйчато устлан монетами. От шапки висит затылочное украшение, шириною в ладонь, во всём Черемискому подобен, до самых икр. Лоб покрыт решетчато низанным жемчугом. Когда она бывает в полном наряде, то надевает на оную шапку ещё и другую совсем плоскую с околышем из мягкой рухляди» (Георги, 1799: 13) и девичьего – «девки носят вместо бабьей шапки головную повязку, подобную сквозному венцу, и покрытую монетами, бисером и корольками» (Георги, 1799: 13). Оба головных убора были представлены художником в более ранней публикации (вид спереди/сзади). Таким образом, Г.Ф. Миллер впервые зафиксировал возрастные особенности головных уборов у татар, которые позднее описал И.Г. Георги.

Относительно воспроизведённой нательной одежды у Г.Ф. Миллера и И.Г. Георги, то в работах обоих авторов нижняя рубаха полностью закрыта халатообразной верхней одеждой с длинными зауженными к низу рукавами и поясом. Верхний разрез рубахи прикрыт нагрудником с нашитыми монетами, а справа в грудной части приколоты ювелирная бляха в виде солнечного диска со стилизованными расходящимися лучами. Через левое плечо под правую руку перекинута перевязь, украшенная декоративными элементами. Это отмечал и И.Г. Георги: «По большей части носят они с плеча наискось пущенную перевязь, усыпанную корольками, или золотыми, а иногда и одними только серебряными монетами» (Георги, 1799: 13).

С начала XIX столетия всё больше профессиональных художников начинают уделять внимание татарскому костюмному комплексу. Уже к концу века количество художественных работ исчисляется десятками. В 1808 г. живописцем-пейзажистом А.Е. Мартыновым была подготовлена серия из 39 листов гравюр «Типы народов России и Монголии», среди которых представлены изоб-

ражения «Женщина Казанских татар» и «Девница Казанских татар» (в профиль/анфас). В собрании ГИМ сохранились отпечатанные черно-белые (№№ ГИМ 58733/21, ГИМ 58733/22; ГИМ 58733/23) и цветные (№№ ГИМ 55709/34113; ГИМ 55709/34111; ГИМ 55709/34112) гравюры.

Особенностью произведений является то, что в них впервые показаны характерные черты в строении и многочастности элементов женских головных уборов, которые можно соотнести с парсуной «Сююмбике с сыном Утямышем». К примеру, если обратить внимание на убор воспроизведённый А.Е. Мартыновым в гравюре «Женщина Казанских татар», то не раз показанная конусообразная форма нижнего головного убора здесь только угадывается, она полностью скрыта за несколькими тканевыми покрывалами и платками. Следовательно, автор подчеркивает многослойность женского костюмного комплекса, где под накидкой на подобии казанско-татарского женского покрывала *өрпек* с характерным подворачиванием под подбородок и виднеющимся декоративным краем поверх верхней одежды надет небольшой конусообразный убор, возможно, на твердой основе для сохранения формы. Платок венчает убранство головы. Изображенный полумесяц на лбу может представлять собой частично прорисованное налобное украшение *баи хаситәсе*. Возвращаясь к парсуне «Сююмбике с сыном Утямышем» отметим, что образ в гравюре «Женщина Казанских татар» повторяется с помощью головного убора, но не в центральной фигуре замужней Сююмбике, а во второстепенном женском персонаже, находящемся рядом.

Художник А.Е. Мартынов в работах, подписанных как «Девница Казанских татар», отобразил девичий костюмный комплекс в нескольких ракурсах. Если в гравюре «Женщина Казанских татар» основа головного убора скрыта, то на в данных изображениях во всех подробностях показана высокая конусообразная шапка по образу *такыя буре*к, украшенная в нижней части рядами крупных блях, с вертикальным и горизонтальным декором в верхней части убора и венчающей маленькой шишечкой. Под убором нарисовано большое покрывало, практически полностью скрывающее фигуру, и, возможно, с двух сторон убора крепящееся в височной части и под подбородком украшение из монет. Складывается впечатление, что именно девичий комплекс и стал прообразом для Сююмбике, так как в парсуне центральная женская фигура воспроизводится в подобной же каркасной шапке и покрывалом под ней.

Остальные элементы одежды и украшения как в женском, так и в девичьем варианте на гравюрах А.Е. Мартынова практически одинаковы, за исключением небольших деталей. В обоих образах рубахи полностью скрыты, кроме длинных рукавов, которые нарочито выпущены из-под верхней халатообразной одежды без запаха по типу *жилән*. Рубахи сшиты из разных тканей и чуть отличаются друг от друга по декору. В женском образе в нагрудной части виднеется одно из наиболее узнаваемых нагрудных украшений казанских татарок XIX в. – перевязь *хаситә* на тканевой основе с ювелирными накладками и подвесками. На ногах у женщины изображены туфли.

Примерно в этот же период работал ещё один художник и воспитанник Академии художеств Е.М. Корнеев. Объехав в 1803 г. Казанскую и Саратовскую губернии, он выполнил множество зарисовок с натуры. В них изображены обряды, праздники, игры, народные костюмы. В 1804 г. художник преподнес царю «эскизы видов и костюмов» (Гончарова, 1987: 24–28). Эти и другие работы были изданы Карлом Рехбергом в альбоме с гравюрами по его рисункам (Rechberg, 1812–1813). Часть работ публиковалась отдельными листами.

В исследовании для нас наиболее примечательны два офорта с изображениями Е.М. Корнеева. Первый представлен в собрании НМ РТ и называется «Татарка Казанская. Из серии «Народы России» (№ НМРТ КП-5945). В подписи к изображению отсутствует указание возраста женщины, автор прописывает лишь принадлежность к татарскому народу. Отображённый костюмный комплекс соотносится с работой А.Е. Мартынова «Женщина Казанских татар», художники скорее всего зарисовывали одну и ту же модель. Комплекс практически полностью повторён, за исключением некоторых деталей и авторского воспроизведения.

Особенностью второй работы «Ристалище казанских татар» / “*La Couzse des Cheraux des Tartares de Cazan*”, один из вариантов которой хранится в Государственном музее-заповеднике «Павловск» (№ ПМ КП-41608), является подача. Художник впервые представил не статичные фигуры, а через общее действие, объединив их композиционно. По женским образам представлены три группы. На заднем плане, в верхних левом и правом углах схематично показаны женские силуэты. На женщинах конусообразные шапки, на которых снизу размещены большие покрывала, закрывающие большую часть тела. На переднем плане, в нижнем левом углу в кибитке расположены ещё два женских образа: изображённая в профиль сидит в многочастном уборе с полным сокрытием нижней шапки покрывалами, а вторая, стоящая спиной – в конусообразном. Художник воспроизвёл вид со спины, что даёт возможность увидеть детали убора, а именно каркасную шапку с меховой опушкой по очелью и прикрепленным к ней тканевым накосником, декорированным лентами, бахромой и монетами. Под убором запечатлено большое полосатое покрывало, закрывающее плечи и руки.

Мы не можем точно определить, кто из указанных художников первым воспроизвёл, а кто повторил костюмный комплекс, тем более что одежда на женщинах очень схожа. Однако, исходя из работ А.Е. Мартынова, который указал в подписях возрастную дифференциацию костюмного комплекса, можно предположить, что и А.Е. Корнеев изобразил разновозрастных женщин.

Позже художники не изображали высокий каркасный головной убор, надевший поверх покрывала. В книге Дж. Кохрейна (Cochrane, 1824: фронтиспис) размещены рисованные образы татарской девочки и женщины. В женском образе, как и в изображениях А.Е. Мартынова и Е.М. Корнеева, воссоздан многочастный головной убор. В собрании ГИМ сохранились работы, выполненные Ф.Б. Залесским во время его службы в Оренбургской губернии в 1848–1856 гг.

Особый интерес представляет его карандашный набросок (№ ГИМ 63113/7). Художник, в отличие от других собственных зарисовок, никак не конкретизировал в подписи, кого он изобразил, лишь кратко прописав «XI canton». Сотрудники ГИМ, исходя из катонной системы управления в 1798–1865 г. на территории Башкортостана, подписали рисунок, как «башкирка». Они не учли тот факт, что работа создана в период с 1804 г. до 1855 г., когда в территорию XI башкирского кантона, входили Мензелинский уезд Оренбургской губернии, Елабужский и Сарапульский уезды Вятской губернии, т.е. местность, где коренным населением было татары, а не башкиры. В одежде женщины отчётливо просматриваются казанско-татарские традиции. В пользу этого свидетельствует не раз воспроизведённый художниками начала XIX в. многочастный головной убор татарской женщины, конусообразной шапки скрытой разного размера покрывалами. Это не было характерно для женского башкирского костюмного комплекса. Данные факты дают нам возможность считать анализируемое изображение ещё одним визуальным источником середины XIX в. по костюму казанских татар.

Исходя из изученных материалов XVI – сер. XIX в. письменного и визуального характера, в которых в той или иной степени отражался, как костюмный комплекс, соотносящийся с периодом жизни Сююмбике, так и элементы, характеризующие более поздним временем, но воспроизведённые в парсуне, можно сделать следующие выводы.

Парсуна была нарисована не ранее начала XIX столетия, так как ни одно изображение, выполненное до нее, как в элементах, так и во всём костюмном комплексе (за исключением конусообразной формы каркасного головного убора) не соотносится с образами, воспроизведёнными в этом художественном произведении. Несмотря на сохранившиеся в рубахах XIX в. татарок широкие рукава, достигавшие в длину практически края рубахи, во всех ранних работах ширина рукава была достаточно узкая, сужающаяся к манжете. В летописном своде XVI в. на изображенной татарке присутствовал безрукавный плащ, который позднее нигде не фиксировался, он отсутствует и на парсуне. Отсутствие ранних головных и височных украшений, воспроизведенных в изображениях XVIII в. – налобной повязки *баиш хаситәсе*, шейно-височного украшения по типу *сырга* – доказывает, что в парсуне изображены более поздние костюмы.

У татар существовала традиция разной степени сокрытия головы в разновозрастных группах: в отличие от девичьих, женские головные уборы были призваны закрыть не только голову, но и шею, плечи, спину (Суслова, Мухамедова, 2000: 136). В парсуне также четко прослеживается возрастная дифференциация. Так, женский образ, воспринимаемый современным обывателем, как Сююмбике, воспроизводится в девичьем головном уборе, состоящем из конусообразной шапки и покрывала. Стоящая рядом с ней женщина одета в женский костюм с обилием элементов, состоящих из разных покрывал и шапки. Возрастная специфика хорошо конкретизирована художником А.Е. Мартыновым, не только зарисовавшего комплексы, но и подписавшего их. Она подтвер-

ждалась и другими мастерами. Необходимо учитывать и тот факт, что изображенный ребёнок, которого считают Утямышем, с учётом ранних традиций одевания мальчиков в женскую одежду облачён в девичий комплекс, практически полностью копирующий центральную фигуру «Сююмбике» – замужней женщины и матери. Это не является характерным для традиционной культуры, в которой всегда очень чётко прослеживается возрастная дифференциация.

Для парсуны «Сююмбике с сыном Утямышем» наиболее достоверной и подходящей является подпись, опубликованная во французском издании 1850-х гг. «Voyage Illustre dans Les Cinq Party Du Monde» – «Ancien costume des femmes tartares de Kasan» («Древний костюм казанских татарок»). В XIX в. традиция ношения конусообразных головных уборов изживала себя, однако память о них сохранялась (Фукс, 1844: 18). Они в художественных произведениях отражали ушедший элемент общего костюмного комплекса. Ставший популярным в XIX в. образ Сююмбике очень хорошо вписался в парсуну, на которой воспроизведены одежды молодых девушек и замужней женщины.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 2. О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских. СПб., 1799.

Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга 21. 1551–1553 гг. М.: ООО «Фирма АКТЕОН», 2014.

Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, как-то черемис, чуваш и вотяков. СПб.: Имп. Акад. наук, 1791.

Нива. Годъ XIII. №1–26. Спб.: Типография и Литография А. Траншеля, 1882.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., пер., примеч. и указ. А.М. Ловягина. Санкт-Петербург: А.С. Суворин, 1906.

Jefferys T. A Collection of the Dresses of Different Nations, ancient and modern. Particularly Old English Dresses. Vol. 1–4. London, 1757–1772.

Joanne A.L. Voyage illustré dans les cinq parties du monde en 1846, 1847, 1848, 1849. Aux Bureaux de l'illustration, 1850.

Cochrane J.D. Narrative of a Pedestrian Journey through Russia and Siberian Tartary, from the Frontiers of China to the Frozen Sea and Kamchatka. London: Printed for Charles Knight, 1824. Vols. I, II.

ЛИТЕРАТУРА

- Бессонова Т.В. Костюм казанских мещан первой половины XIX века: знак и образ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 1. С. 9–15.
- Габдрафикова Л.Р. Образ Сююмбике в татарской культуре начала XX века // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 3. С. 613–623. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2020-8-3.613-623>
- Гатина-Шафикова Д.Ф. «Татарская женщина» Корнелиса де Бруина как историко-этнографический источник. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. Казань, 2014. №1. С. 121–124.
- Гатина-Шафикова Д.Ф. Графическая визуализация конусообразного головного убора татарок в XVIII–XIX вв. (историко-этнографический анализ) // Кунсткамера. 2022. №2 (16). С. 143–153. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2022-2\(16\)-143-153](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2022-2(16)-143-153)
- Гончарова Н.Н. Е.М. Корнеев. Из истории русской графики начала 19 века. М.: «Искусство», 1987.
- Жабрева А. Э. Изображения костюмов народов России в иностранных изданиях XVIII – начала XIX века // Историко-библиографические исследования: сб. науч. тр. / РНБ; Сост. Н.К. Леликова. СПб., 2006. Вып. 10. С. 270–276.
- Записки путешественников о Казани и Казанском крае. Ч. II. Описание Казанской губернии и живущих в ней народов путешественниками начала XIX века. Казань: ИСБ, 2014.
- Мазанов А.А. Одежда татар XVI–XVII вв. (по старинным рисункам гравюр) // Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань, 1982. С. 62–73.
- Мухамедова Р.Г. Татарская народная одежда. Казань: Татарское книжное издательство, 1997.
- Нечвалода Е.Е. Визуальные образы представительниц народов волго-уральского региона, созданные на основе графических материалов великой северной экспедиции, в иллюстрациях изданий XVIII в. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Том 17, № 4. С. 562–574. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2023-17-4-562-574>
- Сулова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начала XX в.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: ФЭН, 2000.
- Сююмбике = Сеембикэ [альбом] / Р.Г. Шагеева. Казань: Татарское книжное изд-во, 2017.
- Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань: Университетская типография, 1844.
- Joanne A.L. Voyage illustré dans les cinq parties du monde en // L'illustration, Journal Universel. №381. Vol. XV. SAMEDI 15 JUIN 1850. P. 389–381.
- Olearius A. Ausführliche Beschreibung Der kundbaren Reyse Nach Muscow und Persien, So durch gelegenheit einer Holsteinischen Gesandschaft aus Gottorf auß an Michael Fedorowitz den grossen Zaar in Muscow, und Schach Sefi König in Persien geschehen. Holwein, Schließwig, 1663.
- Rechberg C. de Les Peuples de la Russie, ou description des moeurs, usages et costumes des diverses nations de l'Empire de Russie. Vol. 1-2. Paris: D. Colas, 1812–1813.

REFERENCES

- Bessonova T.V. (2018) Costume of Kazan townspeople of the first half of the 19th century: sign and image. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of N.I. Lobachevskiy Nizhny Novgorod University]. No. 1: 9–15. (In Russ.)
- Fuchs K.F. (1844) *Kazan Tatars in statistical and ethnographic terms*. Kazan: University Printing House. (In Russ.)
- Gabdrāfikova L.R. (2020) The image of Syuyumbike in the Tatar culture of the early twentieth century. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde review]. Vol. 8, No. 3: 613–623. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2020-8-3.613-623> (In Russ.)
- Gatina-Shafikova D.F. (2014) “Tatar Woman” by Cornelis de Bruin as a historical and ethnographic source. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts]. Kazan, No. 1: 121–124. (In Russ.)
- Gatina-Shafikova D.F. (2022) Graphic visualization of the cone-shaped head-dress of Tatar women in the 18th–19th centuries (historical and ethnographic analysis). *Kunstkamera* [Kunstkamera]. No. 2 (16): 143–153. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2022-2\(16\)-143-153](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2022-2(16)-143-153) (In Russ.)
- Goncharova N.N. (1987) *E.M. Korneev. From the history of Russian graphics of the early 19th century*. Moscow: Art Publ. (In Russ.)
- Joanne A.L. (1850) Voyage illustré dans les cinq parties du monde en. *L'illustration, Journal Universel* [Illustration, Universel Magazine]. No 381. Vol. XV. SAMEDI 15 JUIN: 389–381. (In French)
- Mazanov A.A. (1982) Clothing of the Tatars of the 16th–17th centuries (based on ancient engraving drawings). *Novoye v arkheologii i etnografii Tatarii* [New in the archeology and ethnography of Tataria]. Kazan: 62–73. (In Russ.)
- Mukhamedova R.G. (1997) *Tatar folk clothing*. Kazan: Tatar Book Publ. (In Russ.)
- Nechvaloda E.E. (2023) Visual images of representatives of the peoples of the Volga-Ural Region, created on the basis of graphic materials of the Great Northern Expedition, in illustrations from publications of the 18th century. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. 2023. Vol. 17, No. 4: 562–574. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2023-17-4-562-574> (In Russ.)
- Notes from travelers about Kazan and the Kazan Region. Part II. Description of the Kazan Province and the peoples living in it by travelers of the early 19th century*. (2014). Kazan: HMB Publ. (In Russ.)
- Olearius A. (1663) *Ausführliche Beschreibung Der kundbaren Reyse Nach Muscow und Persien, So durch gelegenheit einer Holsteinischen Gesandschaft aus Gottorf auß an Michael Fedorowitz den grossen Zaar in Muscow, und Schach Sefi König in Persien geschehen*. Holwein, Schließwig. (In Germ.)
- Rechberg C. (1812–1813) *de Les Peuples de la Russie, ou description des moeurs, usages et costumes des diverses nations de l'Empire de Russie*. Vol. 1-2. Paris: D. Colas. (In French)
- Suslova S.V., Mukhamedova R.G. (2000) *Folk costume of the Tatars of the Volga Region and the Urals (mid. 19th – early 20th centuries). Historical and ethnographic atlas of the Tatar people*. Kazan: Fen Publ. (In Russ.)
- Syuyumbike: [album]* (2017). R.G. Shageeva. Kazan: Tatar Book Publ. (In Russ.)
- Zhabreva A.E. (2006) Images of costumes of the peoples of Russia in foreign publications of the 18th – early 19th centuries. *Istoriko-bibliograficheskie issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov* [Historical and bibliographic studies: collection of scientific works]. RNL; Comp. N.K. Lelikova. St. Petersburg, Issue. 10: 270–276. (In Russ.)

Сведения об авторе: Гатина-Шафикова Дина Фасыховна, научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-5210-8687>; e-mail: golocen@yandex.ru

About the author: Dina F. Gatina-Shafikova, Research Fellow at the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-5210-8687>; e-mail: golocen@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 15.12.2023

Доработана после рецензирования / Revised 2.02.2024

Принята к публикации / Accepted 1.04.2024